

УДК 947:631.584.7(470.22)"19/20"

Кривоноженко А.Ф., кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Карельский научный центр РАН (Россия)

КРИЗИС СИСТЕМЫ ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Подсечное земледелие использовалось крестьянами Олонецкой губернии и некоторых других местностей на севере европейской части России вплоть до первой трети XX в. Применение такой архаичной формы землепользования обуславливалось необходимостью компенсировать недостаточную урожайность постоянных полей на севере. Кроме того, подсечное земледелие не требовало значительного использования лошадей, которых в крестьянских хозяйствах Олонецкой губернии всегда не хватало. Цель исследования заключается в изучении состояния подсечного земледелия в Олонецкой губернии на рубеже XIX и XX вв., а также в выявлении причин его упадка. Анализ выявленных источников показал, что в той или иной степени подсечное земледелие использовалось во всех уездах Олонецкой губернии. В отдельных местностях имела место организация другого типа временной пашни – перелога. Использование подсечного земледелия требовало от крестьян больших трудозатрат, поэтому на расчистке подсек работали не только мужчины, но также женщины и подростками. В ходе исследования были выделены три основные причины упадка подсечного земледелия в Олонецкой губернии. Во-первых, реформа государственной деревни привела к ограничению местности, в которой могли закладываться подсеки. Во-вторых, в условиях роста цен на лес в начале XX в. крестьяне стали его продавать, а не сжигать на подсеках. В-третьих, Первая мировая война лишила карельскую деревню трудовых ресурсов, необходимых для расчистки новых подсек.

Ключевые слова: подсечное земледелие, Олонецкая губерния, крестьянство, Карелия, традиционное природопользование

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-04-73-83

Изучение роли подсечно-огневого земледелия в хозяйстве населения Древнерусского государства и в период феодальной раздробленности является важной проблемой для историков. Постепенно эта модель хозяйствования вытеснялась трёхпольем, однако в России на отдельных территориях подсечно-огневое земледелие продолжало сохранять свои позиции вплоть до начала XX в. Одним из таких регионов была Карелия. Здесь подсечно-огневое земледелие являлось важной частью хозяйственной деятельности крестьян на протяжении веков. Это была одна из последних территорий в Европе, на которой практиковался

такой тип земледелия, что определяет важность и актуальность его изучения в контексте и истории Карелии, и аграрной истории России.

В историографии нет специальных работ, посвящённых изучению использования подсечно-огневого земледелия в Олонецкой губернии в пореформенный период. В то же время подсечная система упоминается во многих работах при анализе различных аспектов социально-экономического положения крестьян в Карелии [17], [20], [28]. К материалам по Олонецкой губернии обращались и авторы общих трудов, посвящённых подсечному земледелию [27]. Кроме того, подсечное

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

земледелие попадает в фокус внимания учёных, изучающих антропогенные трансформации лесов в Карелии [23], [24].

Цель статьи заключается в изучении финального этапа практики использования подсечно-огневого земледелия в хозяйственной модели карельского крестьянства. Для достижения заявленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, следует представить общую характеристику подсечного земледелия как хозяйственной модели карельского крестьянина; во-вторых, выяснить причины кризиса подсечного земледелия в Олонецкой губернии.

Источниковая база исследования основана на архивных документах из нескольких фондов Национального архива Республики Карелия, а также публикациях в местной периодической печати последней четверти XIX – начала XX в.

Чёткие хронологические рамки, которые зафиксировали бы начало завершающего этапа подсечного земледелия и его окончательное исчезновение из хозяйственной практики крестьян Карелии, определить невозможно. В связи с этим хронологические границы исследования можно определить последней третью XIX – началом XX в.

Географические рамки исследования ограничены несколькими уездами Олонецкой губернии: Повенецким, Петрозаводским, Пудожским и Олонецким. В дальнейшем эти административные единицы условно будут именоваться карельскими уездами Олонецкой губернии, поскольку в настоящее время их территории входят в состав Республики Карелия. Для освещения некоторых сюжетов в

статье будут также использованы статистические данные по другим уездам Олонецкой губернии.

Основной формой организации полевого хозяйства в карельской деревне к началу XX в. являлось трёхполье. Заметную роль в крестьянском хозяйстве в это время продолжало играть подсечно-огневое земледелие. Сохранялось несколько условий, благодаря которым в Карелии продолжала существовать эта архаичная система организации сельского хозяйства. Прежде всего, в регионе сохранялись огромные массивы леса, который принадлежал государству, а в последней четверти XIX в. – и крестьянским обществам. Другая причина заключалась в нехватке удобных сенокосных угодий. В связи с этим у местных крестьян было мало рабочих лошадей и прочего домашнего скота, а, значит, и недостаточное количество удобрений. Эти условия определяли малые площади постоянной пашни в карельской деревне. Крестьяне компенсировали эти негативные факторы подсечно-огневым земледелием.

В Карелии абсолютно преобладал тип подсеки, который условно можно назвать «классическим». Определяющим здесь являлась вырубка и сжигание деревьев. Другим типом можно считать выжигание перелогов (в источниках используется именно такой термин) – заросших кустарником заброшенных пашен. Согласно нашим подсчётам, в 1916 г. перелог составлял 21 % от всей временной пашни в Карелии [4]. Однако переложная система практиковалась в основном крестьянами восточных волостей Пудожского уезда. На него приходилось 99,6% от всех площадей перелога на изучаемой территории. Тем не менее и в этом

уезде площадь подсек ненамного, но превышала площадь перелогов: подсеки составляли 1302,95 десятин (далее – дес.) временной пашни, а перелог – 1289,83 дес. (50,25% и 49,75% соответственно). Вообще для юго-восточной части Олонецкой губернии переложная система была более характерна, чем подсечно-огневая. Так, в Каргопольском уезде в 1916 г. на подсеку приходилось лишь 852,45 дес. (29%) в общей структуре временной пашни [4], [3, л. 12 – 13].

Разработка подсеки была крайне трудозатратным процессом. Она состояла из поиска удобного места, вырубки деревьев, подвоза дополнительного хвороста, сжигания леса и изготовления забора. В этом процессе были задействованы мужчины, женщины и подростки. На отдельных этапах работы использовались лошади. На основе статистических данных по Повенецкому уезду нами подсчитано среднее количество рабочих дней одного крестьянина в Повенецком уезде. На поиски удобного места под разработку подсеки у него уходило в среднем 2 рабочих дня. Принимая во внимание непростые природные условия, в которых нужно было найти подходящую под подсеку лесную площадь, столь краткий срок свидетельствует о том, что эти места искались заранее. В связи этим необходимо согласиться с мнением В. П. Петрова и А. В. Окунева, согласно которому удобные под подсеки лесные массивы разыскивались крестьянами предшествующей осенью во время охоты [21, с. 34 – 35], [20, с. 301].

Выбранное место должно было соответствовать ряду условий. В качестве породы деревьев предпочтение отдавалось ельнику, ольшаннику или березняку. Деревья должны быть не старыми,

а, значит, и не толстыми. Количество деревьев толщиной до 13 см на уровне груди на будущей подсеке не должно было превышать 6 – 7%. Например, в Повенецком уезде средняя толщина вырубаемых на подсеках деревьев равнялась почти 7 см, а средний возраст вырубемого леса был около 20 лет, хотя в ряде волостей он превышал 30 лет [6].

Особые требования существовали и для рельефа местности, где планировалась расчистка подсеки. Это место не должно было находиться в низине, поскольку ночные перепады температур и туманы могли негативно сказаться на возделываемых культурах. Кроме того, был желателен общий наклон местности на юг или юго-запад [21, с. 40 – 49].

Деревья на выбранном участке леса рубились в начале лета, но в некоторых местностях эта работа проводилась в начале осени. Рубка леса была одним из самых физически сложных этапов работы. В среднем по Повенецкому уезду мужчина тратил на неё около 40 рабочих дней. Несмотря на физическую тяжесть работы, в рубке участвовали и женщины (20 рабочих дней), а во многих волостях и подростки [6]. Как правило, их роль сводилась к вырубанию небольших деревьев и кустарников, однако это помогало экономить трудовые ресурсы и сокращало общее время работы по расчистке подсеки [21, с. 120].

Для получения большей толщины плодородного слоя почвы на подсеку мог привозиться дополнительный сучистой. Этот процесс занимал примерно 6 дней работы одного мужчины. В течение 2 дней к нему привлекались женщины и подростки. Лошадь использовалась в среднем 5 дней.

Вырубленный лес сох до следующего лета, а затем сжигался. Мужчины

и женщины участвовали в этом этапе работ наравне (10 и 9 рабочих дней соответственно). Нужно заметить, что, судя по источникам, в ряде волостей Повецкого уезда (например, в Римской) мужчины вообще не участвовали в выжиге подсеки [6]. В некоторых волостях к выжигу привлекались и подростки. Однако эта практика не была повсеместной. Работы на выжиге требовали значительного опыта. Не обладая им, дети часто получали тяжёлые ожоги.

Ещё одним трудоёмким этапом мужской работы на подсеке было изготовление изгороди. В среднем у одного крестьянина эта работа занимала 20 дней. Женщина могла потратить на этих работах около 10 дней, а подросток – 5 дней. Для подвоза дополнительных жердей и кольев лошадь использовалась около 5 дней.

Таким образом анализ количества рабочих дней на подсеке в Олонецкой губернии говорит о том, что в этих работах (в том числе и наиболее трудных физически) участвовали и мужчины, и женщины, и подростки. Весь процесс приготовления подсеки занимал приблизительно 80 рабочих дней, при этом мужчина был задействован в нем от начала до конца, а женщина – только в течение 40–42 дней. Подростки привлекались лишь в качестве подсобной рабочей силы. В среднем на приготовлении подсеки они тратили 14 рабочих дней.

Важно подчеркнуть и такую особенность подготовки подсеки, как незначительное участие лошадей. При приготовлении подсек они применялись лишь для подвоза дополнительного хвороста и материала для забора. В среднем одна лошадь использовалась на приготовлении подсеки лишь в течение 10 рабочих дней [6]. Поэтому

эта система земледелия оптимально подходила для хозяйств карельских крестьян, 22% которых в начале XX в. были безлошадными, а у 57% имелась лишь одна рабочая лошадь [14, с. 46]. Кроме того, использование потенциала гужевого транспорта в крае существенно ограничивалось тотальным бездорожьем.

Дальнейший порядок сельскохозяйственных работ на уже подготовленной лесной пашне не отличался от аналогичных действий крестьян на постоянных наделах. Закономерные трудности вызывала лишь отдалённость подсек от деревни и их удалённость друг от друга, что в условиях бездорожья осложняло вывоз созревших хлебов и льна для их дальнейшей обработки. Остывшая земля неглубоко (на глубину не более 7 см) вспахивалась специальной сохой, которая разрывала и поднимала оставшиеся в земле корни. Считалось, что особенно плодородный слой земли остаётся у основания прогоревших пней [18, с. 973]. Затем вспаханная подсека бороновалась и заседалась. Во многих местностях сев старались производить сразу же после окончания работ по приготовлению пашни, поскольку дождь негативно сказывался на плодородии почвы на подсеке [15, с. 144]. Таким образом, первый урожай яровой культуры с подсеки крестьянин получал только на следующий год после начала работ на выбранном лесном участке. Если в качестве первого хлеба на новой подсеке заседалась озимая рожь, то этот срок увеличивался ещё на год.

В целом работы на лесных пашнях не пересекались по времени с другими сельскохозяйственными работами в постоянных полях или пожнях.

Вырубка производилась в конце мая, когда крестьяне освобождались после посева овса и ячменя на яровом клине постоянной пашни. Выжигание поваленного год назад леса под яровые культуры производилось в конце мая – начале июня, а под озимую рожь – чуть позже, перед сенокосом. Посев ячменя или овса на подсеках осуществлялся сразу после аналогичных работ в постоянном поле, а озимой ржи – после сенокоса. На этапе жатвы работы в поле и на подсеке уже совпадали [18, с. 990].

Площадь подсечных участков редко превышала десятину. В Повенецком уезде средняя площадь лесных расчисток составляла 0,31 дес. (0,33 га), что составляет примерно половину площади футбольного поля. В одном из документов говорится о незаконной вырубке крестьянами под подсеки участка городского леса в окрестностях Петрозаводска. О малых размерах заложенных подсек говорит тот факт, что на двух участках леса в общей сложности было вырублено чуть больше 7 кубометров осины, ольхи и берёзы [2, л. 1]. В крестьянских лесах Повенецкого уезда к 1913 году насчитывалось 10 413 таких подсечных участка [8, с. 192]. При этом они могли находиться на больших расстояниях друг от друга. 68 % этих участков эксплуатировались только один сезон. На следующий год они забрасывались. 24 % подсек засаживались два года подряд. Только 8 % всех разработанных лесных участков в Повенецком уезде использовалось 3 года.

Однолетняя подсека засеивалась рожью или репой. Реже высаживался лён. Овёс на подсеках выращивался не часто. Карельские крестьяне старались высаживать этот злак на постоянном

поле, поскольку на лесных пашнях посева овса часто разорялись медведями [19, с. 303].

Подсечные пашни в Олонецкой губернии не входили в состав площадей, подлежащих общинному переделу. Они являлись личной собственностью разработавшего их крестьянина [22, с. 54]. Это правило юридически поддерживало сложившуюся практику ведения подсечного земледелия, когда крестьянское хозяйство одновременно могло иметь сразу несколько лесных расчисток. Они находились на разных этапах использования. В качестве примера приведём подсечные участки крестьянина д. Подкусельга Сязозерской волости А. Мартынова. В 1912 г. в его хозяйстве находилось 9 подсек на расстоянии от одной до двух вёрст от деревни. На месте подсек рос смешанный из ольхи и берёзы десятилетний лес. Подсека, разработанная в 1907 г., в 1912 г. уже была заброшена. Остальные расчистки или находились «под суками», то есть под поваленным и сохнувшим лесом, или были засеяны различными культурами: рожью, ячменём, овсом, репой и льном [5, л. 2]. При этом нужно заметить, что по состоянию на 1905 г. в среднем на каждую семью в д. Подкусельга приходилось только 4,3 человека [13, с. 29]. Это не могло не приводить к высоким трудозатратам одного работника при обработке всех подсечных участков. Можно предположить, что отчасти они могли компенсироваться помощью со стороны других крестьянских семей, которые находились в родственной связи с семьёй А. Мартынова. Такая практика была характерна для крестьян Олонецкой губернии [22, с. 61].

Несмотря на важное экономическое значение, которое имело

подсечно-огневое земледелие для карельской деревни, в последней трети XIX в. этот тип землепользования начал испытывать кризис. Необходимо проанализировать его причины.

До 1870-х гг. крестьяне в Карелии могли выбирать любое удобное место в казённом лесу для подсеки. Реформа государственной деревни 1866 г. внесла в эту практику кардинальные изменения. 15 октября 1869 г. была издана инструкция, регламентирующая составление владенных записей в ряде губерний, в том числе и в Олонецкой. Документ содержал, в частности, положение о разграничении казённых и крестьянских земель. Кроме того, в нём чётко прописывались категории, на которые разделялись удобные крестьянские земли: земельные угодья и особый лесной надел, который отводился для обеспечения крестьян лесоматериалами. В свою очередь земельные угодья делились на постоянные и временные, к которым относились подсеки и перелог [10, с. 124].

Таким образом, законодательно подтверждалось право крестьян на ведение подсечно-огневого земледелия. Однако важно, что после получения своего общинного надела, карельские крестьяне могли рубить лес для подсеки только на территории своих общинных земель. Разрабатывать подсеки в государственном лесу было строго запрещено [17, с. 247]. С точки зрения правительства чёткое ограничение территории, в пределах которой возможно было вести подсечно-огневое хозяйство, должно было подтолкнуть крестьян в местностях, где оно практиковалось, на переход к «обыкновенному хозяйству». Выделяемые дополнительные к общинному владению подсечно-земельные наделы

должны были сделать так, чтобы этот переход прошёл для крестьян «без особой тягости» [1, с. 199].

Удобных для подсеки лесов внутри крестьянского надела не хватало. Во-первых, размеры этих наделов были ограничены. В Инструкции от 15 октября 1869 г. была прописана методика определения площади дополнительного надела, который включался в общее пространство крестьянских земель под подсеку. Однако эта методика не учитывала того, что удобным для подсечно-огневого земледелия было далеко не любое лесное пространство [10, с. 126]. Во-вторых, и внутри общинного надела под подсеку можно было использовать не все леса. Как было сказано, часть общинных лесов в крестьянских землях были выделены в специальные лесные наделы, порядок пользования которыми регламентировался отдельным законом, изданным 13 июня 1873 г. В частности, в нём подтверждалось, что эти участки предназначены исключительно для обеспечения населения лесными материалами [11, с. 834]. Таким образом, разрабатывать подсеки в этих крестьянских владениях было запрещено. После введения 4 апреля 1888 г. положения о сбережении лесов разработка подсек в крестьянском лесном наделе приравнивалась к переводу лесной площади в другой вид угодий и каралась штрафом в 5 руб. за каждые 100 кв. сажень (около 455 кв. м.) незаконно расчищенного леса [12, с. 3, 10]. Подсечно-огневые наделы крестьян Карелии под действие закона не попадали [16, с. 45]. Несмотря на существовавший запрет, лесничие в Олонецкой губернии по-прежнему фиксировали выжигание подсек в лесных крестьянских наделах [7, л. 1 – 5].

Таким образом, многие удобные для подсечного земледелия местности остались при разграничении крестьянских и государственных земель на территории казённых или заводских лесных дач. Завершение поземельного устройства крестьян Олонецкой губернии стало началом кризиса подсечно-огневого земледелия в Карелии. Например, в Петрозаводском уезде в 1860-е годы подсеки занимали 25 % от площади всех посевов зерновых. К концу XIX в. их было здесь 6 %, а к 1916 г. доля подсеки равнялась лишь 5,4 % от площади всех посевов в этом уезде. В среднем по Карелии к началу XX в. этот показатель составлял около 14 % [17, с. 259]. К Первой мировой войне площадь подсек в Карелии почти не изменилась и составляла 14,6 % от всех посевов хлебов. В абсолютных цифрах – 13 814,2 дес. При этом показатель колебался в разных уездах. Максимальная площадь подсек была зафиксирована в Олонецком уезде – 20,8 % от площади всех засеваемых земель. Здесь традиции подсечного земледелия были наиболее сильны [8, с. 189, 195]. В целом по Олонецкой губернии площадь подсечно-огневой и переложной пашни примерно за 30 лет сократилась в 1,84 раза: с 76,5 тыс. дес. в 1880-х гг. до 41,5 тыс. дес. в 1913 г. [25, с. 5]. Таким образом, в основном процесс уменьшения площади подсечно-огневой пашни в Карелии пришёлся на конец XIX в. Однако и в начале XX в. эта система земледелия находила применение в карельской деревне.

Вторым ударом по подсечно-огневому земледелию в Карелии стали изменения законодательства в сфере охраны леса в начале XX в. В 1900 г. крестьяне в Олонецкой губернии

получили право продавать сухостойный и живой лес из их подсечно-земельных наделов. Ценность крестьянских лесов резко возросла. За 10 лет крестьяне из карельских уездов губернии продали из своих наделов лесных материалов по меньшей мере на 3 536 657 руб. [26, с. 31]. Крестьянские леса постепенно редели, что означало исчезновение главного условия для ведения подсечно-огневого хозяйства. Крестьяне полагали, что намного выгоднее продать лес и получить быстрые и лёгкие деньги, чем сжигать его на подсеке и выращивать на ней хлеб. Согласно подсчётам, произведённым в 1908 г., трудозатраты карельского крестьянина на получение 1 меры ржи с подсеки при переводе в денежный эквивалент составляли 8 руб. В то же время этот же объём зерна в лавке стоил 1,5 руб. [25, с. 4].

Третьим негативным фактором для подсечно-огневого хозяйства в Карелии стала Первая мировая война. Как было сказано выше, разработка подсек была очень сложной физически. Основную часть этой работы делали трудоспособные мужчины. Между тем, к 1916 году почти половина мужского трудоспособного населения Карелии была мобилизована. Кроме того, многие крестьяне отправились на строительство Мурманской железной дороги, поскольку правительство хорошо платило за эту работу. Таким образом, значительная часть трудовых ресурсов карельской деревни во время Первой мировой войны не могла участвовать в сельскохозяйственных работах. Женщины, старики и подростки старались обработать, прежде всего, постоянные пахотные земли. Новые подсеки из-за нехватки трудовых ресурсов почти не

разрабатывались [9, с. 10].

Октябрьская революция не сразу поменяла облик карельской деревни. Подсечно-огневое земледелие не исчезло, но трёхпольная система ведения хозяйства доминировала. После революции выделение леса для разработки подсек регулировалось сельскими советами. Окончательное исчезновение подсечного земледелия в Карелии произошло в 1930-е гг. В это время государство начало усиленную заготовку древесины для экспорта за границу, в связи с чем оно не могло позволить крестьянам выжигать леса под подсек. Кроме того, в деревне началась коллективизация и кардинальное изменение социальной и экономической структуры. На юге Карелии финляндские военные фотографии зафиксировали использование подсечного хозяйства в 1942 г., но, видимо, это были уже единичные случаи. В Новгородской области последние факты использования крестьянами подсечного земледелия также были зафиксированы в 1930-х гг. [15, с. 142].

Таким образом, на рубеже XIX – XX вв. подсечное земледелие продолжало играть заметную роль в хозяйствах крестьян Олонецкой губернии. В той или иной мере оно использовалось здесь повсеместно. Помимо подсек, в Пудожском уезде практиковался и другой тип организации временной пашни – перелог. Анализ статистических

материалов показал, что в наибольшей степени в подготовке подсек были задействованы мужчины, однако почти на всех этапах в этих работах участвовали женщины и в меньшей степени подростки. Важно, что подсечно-огневое земледелие не требовало значительного использования лошадей. Эта особенность была особенно актуальна для карельских крестьян, в хозяйствах которых этих животных всегда не хватало.

В ходе исследования также был подтверждён тезис о кризисе подсечно-огневого земледелия в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв. Анализ законодательства последней трети XIX в., связанный с реформой государственной деревни, свидетельствует о том, что кризис этого типа землепользования в Олонецкой губернии начал развиваться после закрепления за крестьянскими обществами их наделных земель. Ужесточение лесоохранного законодательства также негативно сказывалось на подсечном земледелии. В начале XX в. на позиции подсечного земледелия в Карелии также оказали влияние рост цен на лесоматериалы и возможность продажи крестьянами леса из своих наделов. Наконец, Первая мировая война существенно ограничила использование подсечного земледелия ввиду нехватки трудовых ресурсов в карельской деревне.

Список литературы

1. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837-1887: Ч. 2. СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. 564 с.
2. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 2. Оп. 7. Д. 5 / 22.
3. НАРК. Ф. 2. Оп. 71. Д. 20 / 137.
4. НАРК. Ф. 27. Оп. 10. Д. 1 / 7.

5. НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 29 / 464.
6. НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 45 / 762.
7. НАРК. Ф. 53. Оп. 9. Д. 3 / 92.
8. Олонецкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. 347 с.
9. Олонецкая губерния: Результаты предварительного подсчета материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1916. 10, 31 с.
10. ПСЗРИ. Собр. 2. 1869. Т. 44. Ч. 2.
11. ПСЗРИ. Собр. 2. 1873. Т. 48. Ч. 1.
12. Сборник законоположений о сбережении и охране лесов частных и общественных, с приложением инструкций и наставлений, утвержденных министром государственных имуществ, о порядке приведения в исполнение Положения о сбережении лесов 4 апреля 1888 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1888. 112 с.
13. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1907. 326 с.
14. Бузин В. С. Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск: Северная скоропечатня Р. Г. Кац, 1914. 327 с.
15. Громов Г. Г. Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX – XX вв. // Вестник Московского университета. Историко-филологическая сер. 1958. № 4. С. 141 – 152.
16. Истомина Э. Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34 – 51.
17. История Карелии с древнейших времен до наших дней / научн. ред. Н. А. Кораблев и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
18. Л. В. Лядинное или подсечное хозяйство в Лодейнопольском уезде // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1872. № 86. С. 988 – 990.
19. Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб.: ред. журн. "Знание", 1877. 318 с.
20. Окунев А. В. Роль подсечного земледелия в жизни северно-русского общинника во второй половине XIX - начале XX вв. // Рябининские чтения – 95. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. С. 299 – 303.
21. Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка, 1968. 228 с.
22. Петропавловский А. О мерах к улучшению хлебопашества между корелами Повенецкого уезда // ОГВ. 1864. № 13. С. 53 – 54.
23. Платонова Е. А., Лантратова А. С. Формирование растительного покрова окрестностей Петрозаводска // Лесоведение. 2009. № 5. С. 24 – 33.
24. Сельговые ландшафты Заонежского полуострова природные особенности, история освоения и сохранение. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 178 с.
25. Соловьев И. В. Олонецкие крестьянские леса. Петрозаводск: Олонецкое губернское земство, 1916. 39 с.
26. Торшилов И. 45-е очередное Олонецкое губернское земское собрание // Вестник Олонецкого губернского земства. 1912. № 13. С. 29 – 34.
27. Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. [Ленинград]: ОГИЗ, [1932]. 39 с.

28. Чернякова И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке // CARELICA. 2013. № 1. С. 70 – 81.

CRISIS OF THE SLASH-AND-BURN AGRICULTURE SYSTEM IN OLONETS PROVINCE AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Slash farming was used by the peasants of the Olonets province and some other localities in the north of the European part of Russia until the first third of the XX century. The use of slash farming was dictated by the need to compensate for the insufficient productivity of permanent fields in the north. In addition, slash farming did not require significant use of horses, which were always lacking in the peasant farms of the Olonets province. The purpose of the research is to study the state of slash farming in Olonets province at the turn of the 19th and 20th centuries, as well as to identify the reasons for its decline. The analysis of the identified sources showed that, to one degree or another, slash farming was used in all districts of the Olonets province. In some localities, the organization of another type of temporary arable land took place. It was the fallow. The use of slash farming required a lot of labor from the peasants, so not only men, but also women and adolescents worked to clear the slash. The study identified three main reasons for the decline of slash farming in Olonets province. First, the reform of the state village led to the limitation of the terrain in which subsections could be laid. Secondly, in the context of rising prices for timber in the early XX century, the peasants began to sell it, and not burn it on the undercut. Thirdly, the First World War deprived the Karelian village of the labor resources needed to clear new undercutting.

Keywords: slash farming, Olonets province, peasantry, Karelia, traditional nature management

References

14. Buzin V. S. Materialy po issledovaniyu zhivotnovodstva v Olonetskoy gubernii [Materials on animal husbandry research in Olonets province]. Petrozavodsk: Severnaya skoropechatnya R. G. Kats. 1914. 327.
15. Gromov G. G. Podsechno-ognevaya sistema zemledeliya krest'yan Novgorodskoy oblasti v XIX – XX vv. [Slash-and-burn farming system of the Novgorod region peasants in the XIX-XX centuries]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filologicheskaya ser., 4, 1958. 141 – 152.
16. Istomina E. G. Lesookhranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XX veka [Forest protection policy of Russia in the XVIII-early XX century]. Otechestvennaya istoriya, 4, 1995. 34 – 51.
17. Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Karelia from ancient times to the present day]. Ed. by N. A. Korablev. Petrozavodsk: Periodika. 2001. 944.
18. L. V. Lyadinnoe ili podsechnoe khozyaystvo v Lodeynopol'skom uезде [Slash farming in Lodeynopolsky district]. Olonetskie gubernskie vedomosti. 86, 1872. 988 – 990.
19. Maynov V. Poezdka v Obonezh'e i Korelu [A trip to the lake Onega region and Korela]. Sankt-Peterburg: red. zhurn. "Znanie". 1877. 318.
20. Okunev A. V. Rol' podsechnogo zemledeliya v zhizni severno-russkogo obshchinnika vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The role of slash farming in the life of the Northern Russian community in the second half of the XIX-early XX centuries]. In Ryabininskie chteniya – 95 [Ryabinin readings – 95]. Petrozavodsk: KarNTs

RAN. 1995. 299 – 303.

21. Petrov V. P. Podsechnoe zemledelie [Slash and burn agriculture]. Kiev: Naukova dumka. 1968. 228.

22. Petropavlovskiy A. O merakh k uluchsheniyu khlebopashstva mezhdru korelami Povenetskogo uezda [About measures for improvement of grain cultivation between Karels of Povenetsky district]. Olonetskie gubernskie vedomosti, 13, 1864. 60 – 61.

23. Platonova E. A. Formirovanie rastitel'nogo pokrova okrestnostey Petrozavodska [Formation of vegetation cover in the vicinity of Petrozavodsk]. Lesovedenie, 5, 2009. 24 – 33.

24. Sel'govye landshafty Zaonezhskogo poluostrova prirodnye osobennosti, istoriya osvoeniya i sokhraneniye [Selka Landscapes of the Zaonezhskii Peninsula: Natural Characteristics, Land Use, Conservation]. Ed. by A. N. Gromtsev. Petrozavodsk: KarNTs RAN. 2013. 178.

25. Solov'ev I. V. Olonetskie krest'yanskije lesa [Olonets peasant forests]. Petrozavodsk: Olonetskoe gubernskoe zemstvo. 1916. 39.

26. Torshilov I. 45-e ocherednoe Olonetskoe gubernskoe zemskoe sobranie [45th regular Olonets provincial Zemstvo Assembly]. Vestnik Olonetskogo gubernskogo zemstva, 13, 1912. 29 – 34.

27. Tretyakov P. N. Podsechnoe zemledelie v Vostochnoy Evrope [Slash farming in Eastern Europe]. [Leningrad]: OGIZ. [1932]. 39.

28. Chernyakova I. A. Karel'skie volosti i ikh obitateli kak ob'ekt dobrykh namereniy imperskogo pravitel'stva v XIX veke [Karelian volosts and their inhabitants as the object of «good intentions» of the Imperial government in the XIX century]. CARELICA, 1, 2013. 70 – 81.

Об авторе

Кривоноженко Александр Фёдорович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Россия), E-mail: krivfed@yandex.ru

Krivozhenko Alexander Fedorovich – Candidate of Science in History. Junior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre RAS (Russia), E-mail: krivfed@yandex.ru